

DOI: 10.12731/3033-5973-2025-14-4-322
УДК 351

EDN: MTBGP

Научная статья

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИХ КОМПЛЕКСНЫМ РАЗВИТИЕМ

3.3. *Ачох*

Аннотация

Обоснование. В рамках реализации государственных приоритетов в сфере пространственного развития и обеспечения устойчивого экономического роста территорий все более важное место занимает проблема комплексной оценки состояния социально-экономического развития моногородов. Показано, что для обоснования стратегических решений в отношении моногородов недостаточно формального статуса и фрагментарных характеристик, требуется целостное представление об условиях и препятствиях их развития.

Предлагаемый подход опирается на использование сопоставимых статистических показателей и ориентирован на практическую задачу дифференциации приоритетных направлений стратегического развития моногородов.

Цель – выявление условий и препятствий их развития и определения приоритетных направлений стратегического развития территорий расположения моногородов путем комплексной оценки состояния их социально-экономического развития на основе ключевых статистических показателей.

Метод и методология проведения работы. Используются данные официальной статистики по монопрофильным муниципальным образованиям и градообразующим предприятиям. В качестве основного метода использовался метод статистического анализа, а также методы динамического и структурного анализа.

Результаты. Результаты оценки подтверждают, что использование единой системы показателей, включающей демографические, трудовые, экономические и инвестиционные параметры, обеспечивает возможность увязки состояния моногородов с задачами стратегического управления их комплексным развитием: выявленные зависимости позволяют обосновывать приоритеты

государственной поддержки, определять набор и направленность инструментов в зависимости от текущего состояния моногорода.

Область применения результатов. Подход к комплексной оценке может использоваться органами государственной власти и институтами развития как инструмент дифференциации мер государственной поддержки и настройки приоритетов стратегического развития моногородов, в том числе обладающих статусом опорных населенных пунктов.

Ключевые слова: моногорода; социально-экономическое развитие; комплексная оценка; рынок труда; инвестиционная активность; опорные населенные пункты; стратегическое управление; пространственное развитие

Для цитирования. Ачох, З. З. (2025). Оценка состояния социально-экономического развития моногородов как инструмент стратегического управления их комплексным развитием. *Siberian Journal of Economic and Business Studies / Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований*, 14(4), 47–62. <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2025-14-4-322>

Original article

ASSESSMENT OF THE STATE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS AS AN INSTRUMENT OF STRATEGIC MANAGEMENT OF THEIR INTEGRATED DEVELOPMENT

Z.Z. Achokh

Abstract

Background. In the context of implementing national priorities in spatial development and ensuring sustainable economic growth of territories, the problem of comprehensive assessment of the state of socio-economic development of single-industry towns is becoming increasingly important. It is shown that for substantiating strategic decisions regarding single-industry towns, a formal status and fragmentary characteristics are insufficient; a holistic understanding of the conditions and obstacles to their development is required.

The proposed approach is based on the use of comparable statistical indicators and is oriented towards the practical task of differentiating the priority directions of strategic development of single-industry towns.

Purpose – identifying the conditions and obstacles to their development and determining the priority areas for the strategic development of single-industry towns

by conducting a comprehensive assessment of their socio-economic development based on key statistical indicators.

Method and methodology. Data from official statistics on single-industry municipalities and town-forming enterprises are used. The main method applied is statistical analysis, supplemented by methods of dynamic and structural analysis.

Results. The assessment results confirm that the use of a unified system of indicators, including demographic, labour, economic and investment parameters, makes it possible to link the state of single-industry towns with the tasks of strategic management of their integrated development: the identified relationships make it possible to substantiate the priorities of state support and to determine the set and focus of instruments depending on the current state of a single-industry town.

Practical implications. The approach to comprehensive assessment can be used by public authorities and development institutions as an instrument for differentiating state support measures and setting priorities for the strategic development of single-industry towns, including those having the status of supporting settlements.

Keywords: single-industry towns; socio-economic development; comprehensive assessment; labour market; investment activity; supporting settlements; strategic management; spatial development

For citation. Achokh, Z. Z. (2025). Assessment of the state of socio-economic development of single-industry towns as an instrument of strategic management of their integrated development. *Siberian Journal of Economic and Business Studies*, 14(4), 47–62. <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2025-14-4-322>

Введение

Моногорода представляют собой особую категорию муниципальных образований, развитие которых сопряжено с рядом институциональных, экономических и демографических вызовов. Эти территории играют значимую роль в обеспечении промышленного потенциала страны, региональной занятости и сбалансированного пространственного развития. Вместе с тем монопрофильная структура экономики, высокая степень зависимости от одного предприятия, уязвимость к внешним и внутренним шокам формируют риски стагнации, ухудшения качества жизни и усиления межрегиональной дифференциации [4; 9].

В этих условиях задачей государственной политики становится переход от реагирования на кризисные проявления к управлению условиями и перспективами развития таких территорий на стратегическом горизонте.

Особенно возрастает актуальность данного вопроса в условиях принятия новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации

до 2030 года с прогнозом до 2036 года, которая становится инструментом реализации программных документов в отраслях и регионах во взаимосвязке с федеральными и региональными приоритетами развития, в том числе в части развития моногородов [7; 10].

Проблематика развития моногородов получила подробное отражение как в российской, так и в зарубежной литературе. В отечественных работах рассматриваются социально-экономические тенденции развития моногородов России, особенности их отраслевой структуры, институциональные ограничения и риски стагнации, предлагаются различные классификации и типологии моногородов, анализируются результаты государственных программ их поддержки [5; 9]. Исследования уделяют внимание как отдельным группам моногородов, так и общесистемным проблемам занятости, качества городской среды и институциональной среды [6; 9].

Зарубежная литература оперирует близкими категориями *single-industry towns*, *company towns*, *resource-dependent communities*, *shrinking cities* и *small and medium-sized towns*, указывая на сочетание высокой функциональной специализации и структурной уязвимости таких территорий [14; 15]. В работах рассматриваются критерии отнесения городов к монопрофильным, последствия отраслевых и технологических сдвигов, механизмы адаптации градообразующих предприятий и локальных сообществ, а также инструменты государственной политики в отношении индустриальных и ресурсозависимых городов [12; 13; 17]. Отдельный блок исследований посвящен региональной политике в условиях промышленного перехода и демографического сжатия, где предлагаются стратегии «умного» сжатия и поддержания территориальной устойчивости [11; 16].

Основная проблема заключается в отсутствии апробированных подходов к комплексной оценке состояния социально-экономического развития моногородов на основе сопоставимых показателей, которая позволяла бы выявлять устойчивые сочетания условий и препятствий развития и использовать их для принятия управленческих решений, в том числе во взаимосвязке со стратегическими приоритетами пространственного развития [2; 3]. Существующие исследования не обеспечивают охват всей совокупности моногородов и не позволяют напрямую увязать их с выбором перспективных направлений стратегического развития и форматов государственной поддержки.

Цель исследования

Выявление условий и препятствий социально-экономической структуры моногородов для определения приоритетных направлений их стратегического развития на основе их комплексной оценки.

Материалы и методы

Оценка социально-экономического развития моногородов построена на использовании официальной статистики, что обеспечивает сопоставимость результатов и их пригодность для целей государственного управления. В качестве базового источника данных применялась База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО). Отдельные показатели рассчитывались на основе данных Росстата [8].

Показатели, публикуемые в текущих ценах (среднемесячная заработная плата, инвестиции в основной капитал, объем отгруженных товаров собственного производства, оборот розничной торговли), были приведены к ценам 2023 г. с использованием базового индекса потребительских цен. Это позволило сопоставлять динамику в реальном выражении. Показатель среднемесячной заработной платы дополнительно корректировался на стоимость жизни, что минимизирует влияние межрегиональных различий в уровне цен и покупательной способности.

В качестве основных методов использовались методы статистики, динамического и структурного анализа.

Результаты и обсуждение

Комплексная оценка социально-экономического развития моногородов включает в себя систему показателей, отражающих основные направления социально-экономического развития моногородов:

1. Демография и человеческий потенциал (7 показателей);
2. Экономическая и инвестиционная привлекательность (3 показателя);
3. Состояние рынка труда (8 показателей).

Полный список показателей представлен в таблице 1. Такая структура позволяет одновременно учитывать демографические тенденции, состояние рынка труда и ключевые параметры экономической активности, а также анализировать их взаимосвязи в разрезе отраслевой специализации и территориального размещения моногородов.

Таблица 1.

Список показателей по направлениям социально-экономического развития моногородов [8]

Название показателя	Единица измерения
1. Демография и человеческий потенциал	
Численность постоянного населения	человек
Численность трудоспособного населения	человек
Доля трудоспособного населения в моногородах	процент

Коэффициент естественного прироста	процент
Численность прибывших	человек
Численность выбывших	человек
Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения	процент
2. Экономическая и инвестиционная привлекательность	
Уровень регистрируемой безработицы	процент
Численность граждан, предполагаемых к увольнению	человек
Количество безработных	человек
Численность занятых на градообразующих предприятиях	человек
Среднесписочная численность работников всех организаций	человек
Доля занятых на градообразующих предприятиях в общей численности занятых	процент
Среднемесячная заработная плата работников организаций в муниципальном образовании	рубль
Среднемесячная заработная плата работников градообразующей организации в текущих ценах	рубль
3. Состояние рынка труда	
Инвестиции в основной капитал организациями, осуществляющими деятельность на территории моногородов, в текущих ценах	рубль
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, в текущих ценах	рубль
Оборот розничной торговли в текущих ценах	рубль

Полученные результаты подтверждают исходные положения о том, что моногорода представляют собой неоднородную совокупность территорий, различающихся по устойчивости демографического развития, состоянию рынка труда, отраслевой структуре экономики и интенсивности инвестиционных процессов [9; 13].

По состоянию на 1 января 2024 г. в моногородах проживает 12,3 млн человек, или около 8 % населения Российской Федерации (рис. 1). Население распределено крайне неравномерно: более трети жителей моногородов (4,2 млн человек) сосредоточено в 253 малых моногородах с численностью населения до 50 тыс. человек, тогда как всего шесть крупнейших моногородов (Нижний Тагил, Магнитогорск, Новокузнецк, Набережные Челны, Тольятти, Нижнекамск) аккумулируют 2,7 млн человек (22,5 % населения моногородов).

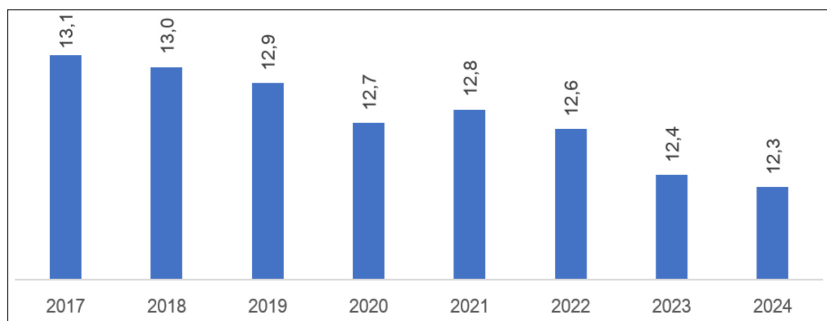

Рис. 1. Динамика численности населения моногородов на 1 января, млн чел. [8].

Ключевым демографическим трендом комплексной оценки выступает устойчивое сокращение численности населения моногородов. За восемь лет численность их населения уменьшилась на 0,8 млн человек (–5,6 %), что существенно превышает снижение населения России в целом (–0,3 % за сопоставимый период). Снижение численности населения зафиксировано в 282 моногородах (87 % их общего числа).

Наибольшая убыль характерна для малых и удаленных населенных пунктов с низкой транспортной доступностью и, как правило, с закрытыми либо нестабильно работающими градообразующими предприятиями.

В то же время комплексная оценка фиксирует наличие в группе моногородов своеобразных «точек роста»: в 39 моногородах (13 %) наблюдался рост численности населения. Рост характерен для территорий с благоприятным географическим положением и специфическими факторами притяжения: развитым туристско-рекреационным потенциалом (пос. Янтарный), естественным приростом населения в регионах Северного Кавказа (г. Каспийск и др.), включенностью в зоны влияния крупных городских агломераций (например, Верхняя Пышма).

Эти результаты дополняют существующие исследования, где подчеркивается роль агломерационных эффектов и рекреационной специализации как факторов, частично компенсирующих риски моноотраслевой структуры экономики [1].

Демографическая ситуация дифференцирована и по отраслевой специализации. Наиболее высокая убыль населения фиксируется в моногородах транспортного и лесопромышленного профиля, где заработная плата неконкурентоспособна по сравнению с другими отраслями. Напротив, в моногородах, специализирующихся на пищевой и химической промыш-

ленности, а также машиностроении, ситуация более стабильна благодаря более высокому уровню оплаты труда и лучшим характеристикам городской среды (рис. 2).

Рис. 2. Прирост численности населения моногородов на 1 января в разрезе отраслей [8].

Особое значение для оценки моногородов имеет динамика населения трудоспособного возраста. В 2023 г. численность трудоспособного населения в моногородах составила 7,2 млн человек, с 2017 г. показатель сократился на 5,3 % (при снижении лишь на 0,5 % в целом по России). Средняя доля трудоспособного населения в моногородах (53 %) ниже среднероссийской (57 %), что отражает ускоренное старение демографической структуры при одновременном оттоке молодежи. Наибольшая доля трудоспособного населения характерна для моногородов, расположенных в экстремальных природно-климатических условиях и специализирующихся на добыче полезных ископаемых (Норильск и др.), где высокая интенсивность миграции обеспечивает постоянное обновление трудовых ресурсов. В депрессивных, удаленных моногородах, напротив, доля трудоспособного населения снижается быстрее, что формирует зону демографического и социального риска.

Естественное и миграционное движение населения усиливает указанную дифференциацию. Только в 13 моногородах средние значения коэффициента естественного прироста за 2017–2022 гг. остаются положительными, тогда как в большинстве моногородов фиксируется устойчивый естественный убыль населения, наиболее выраженный в малых поселениях с долгосрочно неработающими градообразующими предприятиями.

Миграционные процессы имеют более сложный характер: в 92 моногородах средний коэффициент миграционного прироста положителен (приток населения в моногорода с высокими заработными платами, в агломерационных зонах, в отдельных моногородах Северного Кавказа), при этом для ряда территорий с неблагоприятной географией и низкими доходами сохраняется устойчивый миграционный отток.

Оценка состояния рынка труда показала, что моногорода в анализируемый период функционируют в условиях устойчивого дефицита кадров, что в целом согласуется с общероссийскими тенденциями, но проявляется в более концентрированной форме. С 2017 по 2023 гг. численность занятых в моногородах сократилась с 3,96 до 3,68 млн человек (7 %, при сокращении порядка 3 % по стране), причем рост занятости концентрируется в ограниченном числе моногородов, где реализуются крупные инвестиционные проекты (Свободный, Алексин, Зеленодольск и др.) либо развивается туристско-рекреационная специализация (пос. Янтарный). При этом подобные проекты нередко связаны со складской и логистической инфраструктурой и не всегда формируют высокотехнологичную базу и высокую добавленную стоимость.

Заработная плата в моногородах демонстрирует устойчивый рост, однако оценка в сопоставимых ценах и с учетом стоимости жизни показывает ее неконкурентоспособность по отношению к среднероссийскому уровню: в 260 моногородах реальная заработная плата ниже среднероссийского значения. Наиболее высокая заработная плата наблюдается в моногородах Крайнего Севера с добывающей специализацией (Норильск, Удачный, Айхал и др.), но она сопровождается пропорционально высокой стоимостью жизни и экстремальными условиями труда.

Уровень регистрируемой безработицы в моногородах в 2023 г. составлял порядка 0,6 % и был сопоставим со среднероссийским показателем, однако в 17 моногородах безработица более чем вдвое превышала общероссийский уровень (рис. 3). Для этих территорий были разработаны индивидуальные планы (дорожные карты) ускоренного социально-экономического развития, что демонстрирует практическую значимость точечных индикаторов оценки для таргетирования мер государственной поддержки.

Особое место в структуре рынка труда моногородов занимает занятость на градообразующих предприятиях. В 2017–2021 гг. численность занятых на них сократилась с 915 до 849 тыс. человек, что соответствовало заявленным целям диверсификации экономики моногородов и снижения их зависимости от одного предприятия. Однако уже с 2021 г. динамика изменилась:

к 2023 г. занятость на градообразующих предприятиях увеличилась до 859 тыс. человек, а доля занятых на них стабилизировалась на уровне около 22% в общей занятости моногородов. Рост занятости на градообразующих предприятиях в значительной степени обусловлен расширением спроса на продукцию военно-промышленного комплекса и машиностроения в условиях изменения внешнеэкономической и геополитической конъюнктуры.

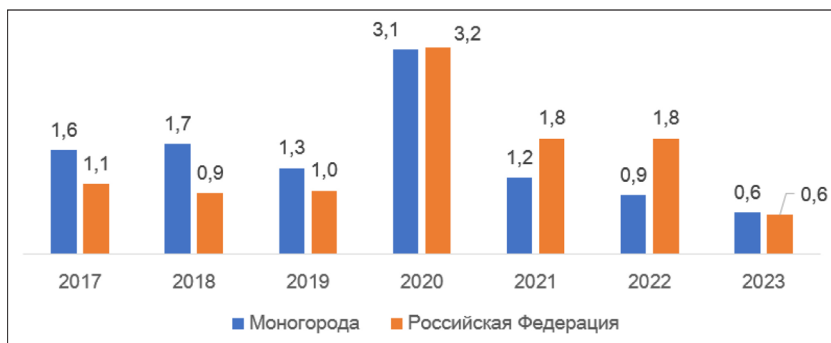

Рис. 3. Динамика уровня регистрируемой безработицы в моногородах, % [8].

Среднемесячная заработная плата на градообразующих предприятиях примерно на треть превышает средний уровень по моногороду, что закрепляет их статус ключевых акторов локального рынка труда и подтверждает характерную для моногородов зависимость от единственного крупного предприятия, описанную в зарубежных исследованиях, посвященных т. н. *company towns* (что может быть переведено на русский язык как «заводской поселок»; это понятие не совпадает с понятие моногорода, но во многом близко к нему).

Оценка экономического развития и инвестиционной активности выявила сочетание умеренного роста и высокой уязвимости к внешним шокам. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в моногородах в 2023 г. составил 16,9 трлн руб. (около 11 % общероссийского объема), но по сравнению с максимумом 2021 г. зафиксировано снижение примерно на 12 %, отражающее последствия событий 2022 г. и перестройки производственно-логистических цепочек.

Производственная активность высоко концентрирована: на десять крупнейших по объему отгрузки моногородов приходится около 45 % общего объема. В ряде субъектов РФ вклад моногородов в региональную эконо-

мику является системообразующим (доля в объеме отгрузки превышает 40 %), тогда как в более чем тридцати регионах он не достигает 10 %. Для некоторых субъектов характерна ситуация, когда доля населения моногородов существенно превосходит их долю в экономике, что указывает на снижение эффективности градообразующих производств и формирует дополнительные вызовы для региональной политики.

Отраслевая структура моногородов также претерпела серьезные сдвиги. В 2023 г. крупнейшей отраслью по объему отгруженной продукции стало машиностроение: объем отгрузки в машиностроительных моногородах вырос на 19 %, а доля отрасли увеличилась с 19 до 23 %, опередив черную металлургию, занимавшую лидирующие позиции в 2021–2022 гг. С 2017 г. общий объем отгруженной продукции в моногородах увеличился на 27%, однако к 2023 г. экономика моногородов в целом еще не вернулась на траекторию, предшествовавшую шоку 2022 г. (рис. 4).

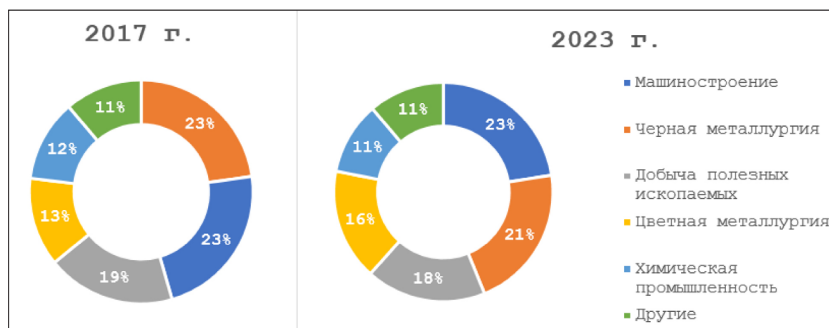

Рис. 4. Сравнение структуры отгруженной продукции по специализации моногородов в 2017 г. и 2023 г. [8].

Инвестиционная активность в моногородах демонстрирует более выраженную позитивную динамику. В 2023 г. объем инвестиций в основной капитал организаций, действующих на их территориях, достиг 1,9 трлн руб. (7 % общероссийского объема инвестиций), что на 22 % превышает показатель 2022 г.; совокупный рост инвестиций за 2017–2023 гг. составил 58 %. При этом инвестиции также концентрируются в ограниченном числе территорий: на десять моногородов приходится почти половина всего инвестиционного объема, причем значительная его часть сосредоточена в моногородах азиатской части России, где реализуются крупные инфраструктурные и промышленные проекты. Наибольшие значения инвестиций характерны для моногородов с добывающей и металлургической специ-

ализацией, тогда как машиностроительные, легкой и пищевой промышленности, а также производства строительных материалов демонстрируют низкие значения инвестиций на душу населения.

Заключение

Интерпретация результатов комплексной оценки через призму целей стратегического управления комплексным развитием моногородов позволяет определить слабые и сильные стороны, ключевые процессы и структурные элементы, состояние которых в совокупности отражает компетенции экономики территории, ее конкурентные преимущества.

Во-первых, сочетание депопуляции, снижения доли трудоспособного населения и ограниченного набора рабочих мест формирует группу моногородов высокого социально-демографического риска, где ключевой задачей становится не только поддержка занятости, но и сохранение базового человеческого потенциала и доступности социальной инфраструктуры. Для таких территорий оценка должна служить инструментом раннего предупреждения деградационных процессов.

Во-вторых, выделяется группа моногородов, демонстрирующих устойчивый или умеренно позитивный демографический тренд при сохранении высокой отраслевой зависимости (добыча полезных ископаемых, отдельные сегменты металлургии и химической промышленности). Для них стратегическое управление должно быть ориентировано на диверсификацию структуры экономики, развитие смежных видов деятельности и снижение рисков, связанных с цикличностью базовой отрасли, при сохранении ее ключевой роли.

В-третьих, существует группа моногородов, в которых рост занятости и заработной платы обусловлен реализацией новых инвестиционных проектов (в том числе логистических и складских), но эффект для формирования долгосрочного потенциала развития и технологической базы остается ограниченным. В отношении таких территорий необходим качественный анализ структуры инвестиций и их вклада в создание высокопроизводительных рабочих мест, чтобы избежать закрепления низкой добавленной стоимости.

Особое значение полученные результаты приобретают с точки зрения реализации Стратегии пространственного развития до 2030 года с прогнозом до 2036 года, в рамках которой введено понятие опорных населенных пунктов. Формирование единого перечня опорных населенных пунктов направлено на концентрацию инструментов и ресурсов в целях достижения

национальных целей, снижения территориальной дифференциации и формирования сбалансированной пространственной структуры. Большинство моногородов включено в этот перечень, тем самым они рассматриваются как элементы инфраструктурного и экономического каркаса страны, располагающие приоритетным доступом к мерам государственной поддержки.

Комплексная оценка состояния моногородов позволяет перейти от формального статуса опорного пункта к содержательному ранжированию потребностей и управленческих задач. Так, моногород-опорный пункт с растущим населением, дефицитом кадров и высокой инвестиционной активностью (например, Свободный и ряд других территорий) объективно нуждается в приоритете мер, ориентированных на развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры, рынка жилья и социальных услуг. Напротив, опорный моногород с высокой безработицей, снижением объемов отгрузки и слабой инвестиционной динамикой требует акцента на диверсификации экономики и создании новых рабочих мест за пределами градообразующих предприятий, в том числе за счет размещения новых производств и поддержки предпринимательской активности. В этом смысле комплексная оценка выступает инструментом конкретизации задач развития опорных населенных пунктов и позволяет встроить моногорода в контекст пространственной политики не как пассивных реципиентов ресурсов, а как дифференцированных объектов управления с различным набором рисков и потенциалов.

Список литературы

1. Антонов, Е.В., Куричев, Н.К., & Трейвиш, А.И. (2022). Исследования городской системы и агломераций в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 86(3), 310–331. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556622030037>
2. Безвербный, В.А., Маркварт, Э., & Ситковский, А.М. (2021). Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей. В Д.П. Соснине (ред.), *Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии* (с. 63–93). Москва: Дело, РАНХиГС.
3. Бухвальд, Е.М. (2019). Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования. *Журнал российского права*, (11), 131–143.
4. Кутергина, Г.В., & Лапин, А.В. (2015). Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию. *Вестник Пермского университета*, (3(26)): 70. Е

5. Меерович, М.Г. (2018). Советские моногорода: история возникновения и специфика. *Вестник Кемеровского государственного университета*, (1), 53–65.
6. Нефедьева, Е.И., & Тарабан, О.В. (2019). Проблема занятости населения монопрофильных территорий (на примере Иркутской области). *Труд и социальные отношения*, (2), 33–46.
7. Одинцова, А.В. (2025). Опорные населённые пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации. *Федерализм*, 30(1), 52–70. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-52-70>
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Получено с <https://rosstat.gov.ru>
9. Развитие моногородов России. (2013). В И.Н. Ильиной (ред.), *Развитие моногородов России*. Москва: Финансовый университет. 168 с.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». (2025). *Собрание законодательства Российской Федерации*, (2), ст. 74. Получено с <http://pravo.gov.ru>
11. Azar, J., Marinescu, I.E., & Steinbaum, M. (2018). Labor Market Concentration. *SSRN Electronic Journal*. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3088767>
12. Berendeeva, O.S., & Berendeeva, A.B. (2022). Competition between the Regions of the Center of Russia for Migration Flows of Population: Assessment and Consequences. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 3(1), 42. DOI: https://doi.org/10.52957/27821927_2022_1_42
13. Chaudhary, N., & Potter, J. (2019). Evaluation of the Local Employment Impacts of Enterprise Zones: A Critique. *Urban Studies*, 56(10), 2112–2159. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098018787738>
14. Commander, S. (2018). One-Company Towns: Scale and Consequences. *IZA World of Labor*, 433. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.433>
15. Edelblutte, S. (2010). La reconversion des anciennes villes-usines européennes, ou la question de la survie urbaine [The redevelopment of European company-towns, a matter of urban survival]. *Bulletin de l'Association de Géographes Français*, 87(3), 353–367. DOI: <https://doi.org/10.3406/bagf.2010.8170>
16. Kuznetsova, O.V. (2021). National Urban Policy in Russia and the European Experience. *Baltic Region*, 13(4), 7–20. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-1>
17. Pallagst, K., Wiechmann, T., & Martinez-Fernandez, C. (Eds.). (2013). *Shrinking Cities: International Perspectives and Policy Implications* (1st ed.). Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203597255>

References

1. Antonov, E. V., Kurichev, N. K., & Treivish, A. I. (2022). Studies of Urban Systems and Metropolitan Areas in Russia. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography*, 86(3), 310–331. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556622030037>
2. Bezverbnyi, V. A., Markvart, E., & Sitkovsky, A. M. (2021). Spatial Compression of Territories in the Russian Federation: Concept, Criteria, and System of Indicators. In D. P. Sosnin (Ed.), *Cities of the Future: Spatial Development, Participatory Governance, and Creative Industries* (pp. 63–93). Moscow: Delo, RANEPa.
3. Bukhval'd, E. M. (2019). Legal Regulation of Strategic Spatial and Territorial Planning. *Journal of Russian Law*, (11), 131–143.
4. Kutergina, G. V., & Lapin, A. V. (2015). Management of Monocity Development: Domestic and Foreign Approaches to Modeling. *Perm University Bulletin*, (3(26)): 70.
5. Meierovich, M. G. (2018). Soviet Monocities: History of Origin and Specific Features. *Bulletin of Kemerovo State University*, (1), 53–65.
6. Nefedeva, E. I., & Taban, O. V. (2019). Employment Issue in Monoprofile Territories (Case Study of Irkutsk Region). *Labour and Social Relations*, (2), 33–46.
7. Odintsova, A. V. (2025). Anchor Population Centers – New Priority of Spatial Development of the Russian Federation. *Federalism*, 30(1), 52–70. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-52-70>
8. Official Website of the Federal State Statistics Service. Retrieved from <https://rosstat.gov.ru>
9. Razvitie monogorodov Rossii. (2013). In I. N. Il'ina (Ed.), *Development of Monocities in Russia*. Moscow: Financial University. 168 p.
10. Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 dekabrya 2024 g. № 4146-r "Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda". (2025). *Collected Legislation of the Russian Federation*, (2), st. 74. Retrieved from <http://pravo.gov.ru>
11. Azar, J., Marinescu, I. E., & Steinbaum, M. (2018). Labor Market Concentration. *SSRN Electronic Journal*. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3088767>
12. Berendeeva, O. S., & Berendeeva, A. B. (2022). Competition between the Regions of the Center of Russia for Migration Flows of Population: Assessment and Consequences. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 3(1), 42. DOI: https://doi.org/10.52957/27821927_2022_1_42
13. Chaudhary, N., & Potter, J. (2019). Evaluation of the Local Employment Impacts of Enterprise Zones: A Critique. *Urban Studies*, 56(10), 2112–2159. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098018787738>

14. Commander, S. (2018). One-Company Towns: Scale and Consequences. *IZA World of Labor*, 433. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.433>
15. Edelblutte, S. (2010). La reconversion des anciennes villes-usines européennes, ou la question de la survie urbaine [The redevelopment of European company towns, a matter of urban survival]. *Bulletin de l'Association de Géographes Français*, 87(3), 353–367. DOI: <https://doi.org/10.3406/bagf.2010.8170>
16. Kuznetsova, O. V. (2021). National Urban Policy in Russia and the European Experience. *Baltic Region*, 13(4), 7–20. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-1>
17. Pallagst, K., Wiechmann, T., & Martinez-Fernandez, C. (Eds.). (2013). *Shrinking Cities: International Perspectives and Policy Implications* (1st ed.). Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203597255>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ачох Закир Заурович, аспирант кафедры «Государственное и муниципальное управление»

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
пр-кт Ленинградский, 49/2, г. Москва, 125167, Российская Федерация
zakir_achokh@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zakir Z. Achokh, Postgraduate Student of the Department of State and Municipal Management

*Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2, Leningradskiy Ave., Moscow, 125167, Russian Federation
zakir_achokh@mail.ru*

Поступила 29.11.2025

После рецензирования 10.12.2025

Принята 13.12.2025

Received 29.11.2025

Revised 10.12.2025

Accepted 13.12.2025